

УДК 482: 821.161.1

Категоризация посессивности в русском сознании и языке

Селиванова Е.А.

*Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого,
г. Черкассы, Украина*

В статье рассмотрено категориальное содержание принадлежности и средства его вербализации в русском языке. Выделено семь базовых значений четырех функциональных групп конструкций с притяжательными местоимениями, служащими ядром категории посессивности.

Ключевые слова: *посессивность, притяжательное местоимение, имя притяжательности, посессор, категоризация.*

Постановка проблемы. Проблема категориального содержания посессивности (притяжательности), рассматривавшаяся в типологическом, сравнительно-историческом, структуралистском и функциональном аспектах, сегодня не утрачивает своей актуальности и проецируется на принципы современной когнитивной научной парадигмы. В различных языках притяжательные отношения либо конкретизируются и передаются лексическими, синтаксическими или регулярными морфологическими средствами, либо унифицируются и обобщаются в определенных синтаксических конструкциях. На этом основании лингвисты предлагают различные терминологические наименования посессивных отношений: традиционные – посессивность, принадлежность, обладание, владение, собственность, и нетрадиционные – ассоциативность (Л. А. Боади, В. Уэлмерс), аттрактивность (Т. Н. Воронцова), посессивное наличие (Т. Е. Аношкина), *appartance* (Л. Теньер). Некоторые ученые вовсе отказываются от каких-либо обозначений притяжательности, сомневаясь в существовании данной категории в языке (Г. Бирнбаум, Дж. Лайонз), что обусловлено сужением посессивности до содержания владения.

Анализ исследований по проблематике. Широкое понимание притяжательности как особого вида реляции постулируется в рамках гносеологического подхода в работах И. И. Мещанинова, А. М. Пешковского, Ю. Д. Апресяна, О. Н. Селиверстовой, Р. М. Гайсиной, А. М. Мухина и др. Этот подход органично встраивается в постулаты современной когнитивной семантики, согласно которым человек как субъект когниции генерирует значения и избирает собственный или навязанный ему языком способ интерпретации действительности, могущий не соответствовать положению вещей и их отношениям в мире [9, с. 371–376]. Исходя из такого несоответствия украинская исследовательница притяжательности Н. В. Гуйванюк квалифицирует семантику конструкций типа *мамина фабрика, Серезина школа, Оксанин детский сад* как нереальную, ненастоящую посессивность [3, с. 43]. На этом же основании Т. В. Цивьян отмечает, что «приклеивание ярлыка посессивности в ряде случаев настолько оторвано от реальности, что при буквальном понимании создается почти комический эффект» [13, с. 5].

Тем не менее, подобная формальная унификация посессивных отношений в славянских языках значительно расширяет спектр семантики категории притяжательности. Не случайно исследователи подчеркивают условность термина «притяжательность», передающего «целый ряд логических отношений, основанных на органической связи одного предмета с другим» [4, с. 23], хотя двупредметность притяжательности как отношения между субъектом и объектом, которую отстаивают немало лингвистов (Г.П. Алексеев, Т. Л. Арефьева, Н. В. Коростелева, Р. Мароевич, А. М. Мухин, Р. Л. Ницолова, В. Н. Топоров, М. И. Черемисина и др.), также не является абсолютной, ибо в ряде конструкций объект и вовсе отсутствует (к примеру, *моя правда, скромность Олега, переживания Петра* и под.) или субъект и объект невозможно разграничить (например, *дружба Ивана и Петра, у Кости мать больна*), или отношения притяжательности могут быть опосредованы рядом предметов (*их грузовики*, т. е. грузовики предприятия, на котором они работают).

Широкий диапазон притяжательной семантики также обусловил научную дискуссию о статусе категории посессивности: понятийном (О. Есперсен, С. Д. Кацнельсон, Н. А. Слюсарева, М. М. Гухман и др.) как «предшествовании идеи притяжательности ее языковой категории» [12, с. 149] или языковом. Отстаивая некую промежуточность притяжательности, Н. В. Гуйванюк также отмечает первичность понятийного статуса данной категории и вторичность языкового: «Находя в языке некоторые совокупности средств для оформления этих жизненно важных отношений принадлежности (посессивности), категория понятийная превращается в языковую» [3, с. 4].

Доминирование в 70–80-е годы XX века функционально-грамматических исследований в конечном счете привело к рассмотрению притяжательности как функционально-семантической категории, базирующейся на некоем понятийном инварианте и интегрирующей разноуровневые вербальные средства для ее репрезентации в языке и речи. Ядром данной категории для многих лингвистов стала грамматическая категория даже в языках, где посессивность не является морфологически маркированной (Б. В. Болдырев, Н. К. Дмитриев, Р. Мароевич, И. Х. Рустамов и др.), однако такой подход в целом не решил проблемы.

Цель нашей статьи – обосновать статус категории притяжательности, выявив ее когнитивную базу и структуру и описав таксономию языковых средств репрезентации на материале русского языка.

По нашему мнению, посессивные отношения объединены прежде всего унифицированными языковыми формами, каковыми в русском языке являются конструкции с притяжательными местоимениями. На этом основании притяжательность квалифицируется нами как языковая категория, результат вербализации. На когнитивном уровне, в сфере знаний о языке, существует лишь допущение подобной унификации, хотя концептуально конструкции с притяжательными местоимениями передают различные отношения между так называемым посессором, фиксируемым прономинативом, и именем притяжательности – определяемым словом. Посессор на когнитивном уровне не является таковым для большинства типов отношений. Реально он получает этот статус исключительно в отношениях собственности, владения, в остальных случаях он репрезентируется как посессор лишь условно, формально, а семантически его когнитивный статус зависит от типа связи с «притяжаемым» и пропозициональной развертки конструкций с притяжательными местоимениями.

Исходя из изложенного, посессивность можно определить как языковую категорию, унифицирующую различные типы отношений между условным или реальным посес-

сором и предметами, явлениями, процессами, понятиями, ситуациями как присвоение. Такое определение может быть подтверждено данными других языков, в которых отношения присвоения дифференцируются с помощью регулярных грамматических показателей. Так, Л. Леви-Брюль отмечал, что для выражения притяжательности кому-либо банановой кожуры, остатков пищи меланезийцы используют особый аффикс, что обусловлено их тотемическими представлениями [7, с. 211]. Кроме того, в ряде языков грамматически дифференцированными являются отношения отчуждаемой и неотчуждаемой, отъемлемой и неотъемлемой принадлежности [6, с. 37, 60].

Различные мнения лингвисты высказывают и по поводу включения в притяжательную семантику особых разновидностей отношений, что вызвано неупорядоченностью типов посессивности и отсутствием их обоснованной таксономии. К примеру, Н. В. Коростелевой зафиксирована вокативная принадлежность, И. Х. Рустамовым – окказиональная, К. Илиевой – двойная и коммуникативная, М. И. Чураевой – включения, К.Г. Чинчлей – присущности, С. В. Фроловой – сравнения, Т. Л. Арефьевой – притяжательность к месту происхождения, Т. И. Виноградовой, В. Д. Метаксой и др. – притяжательность авторства и т. п. Причиной этому служит потенциальная возможность глубинной развертки притяжательных конструкций, при которой на пропозициональном уровне обнаруживаются различные типы «присваиваемых» ситуаций и пропозициональных посредников отношений между когнитивными коррелятами компонентов этих конструкций.

Избрав в качестве индикатора таксономии отношений «присвоения» конструкции с притяжательными местоимениями, мы руководствовались данными дистрибутивного и семантического анализа текстового материала (рассмотрено около 10 000 конструкций притяжательности в русской речи различных жанров), а также результатами трансформационного анализа, представленными в нашем диссертационном исследовании [10, с. 38–75]. Базой для дифференциации притяжательной семантики послужили 20 трансформационных моделей, каждая из которых путем формального и семантического варьирования прошла проверку на возможность замены конструкций с притяжательными местоимениями различной дистрибуции прономинатива. Таковыми моделями были избраны:

- 1) имя притяжательности (подлежащее) + притяжательное местоимение в позиции сказуемого;
- 2) имя притяжательности (подлежащее) + местоимение *ничей* в позиции сказуемого;
- 3) предложение с конструкцией «*ничей* + имя притяжательности»;
- 4) вопросительное предложение с конструкцией «*чей* + имя притяжательности»;
- 5) предложение с конструкцией «*чей-то* (-либо, -нибудь) + имя притяжательности»;
- 6) личное местоимение (подлежащее) + *иметь* + имя притяжательности в винительном падеже;
- 7) имя притяжательности (подлежащее) + *принадлежать* + личное местоимение в дательном падеже;
- 8) личное местоимение (подлежащее) + *обладать* + имя притяжательности в творительном падеже;
- 9) личное местоимение (подлежащее) + *владеть* + имя притяжательности в творительном падеже;
- 10) личное местоимение (подлежащее) + *владелец* (*хозяин, собственник, обладатель*) + имя притяжательности в родительном падеже;

11) имя притяжательности + притяжательное местоимение + *собственность* (*принадлежность*);

12) *У* + личное местоимение в родительном падеже + *есть* (факультативное сказуемое) + имя притяжательности в именительном падеже;

13) предложение с конструкцией «личное местоимение в именительном падеже + *с* + имя притяжательности в творительном падеже»;

14) предложение с конструкцией «имя притяжательности + *у* + личное местоимение в родительном падеже»;

15) предложение с конструкцией «имя притяжательности в винительном падеже + личное местоимение в дательном падеже»;

16) предложение с конструкцией «*у* + личное местоимение в родительном падеже + *на* (*в*) + имя притяжательности в предложном падеже»;

17) имя притяжательности (подлежащее) + *в наличии* (*имеется*) + *у* + личное местоимение в родительном падеже;

18) сложноподчиненное предложение с конструкцией «личное местоимение, + *который* (*чей*) + имя притяжательности»;

19) имя притяжательности (подлежащее или дополнение) + *присущ* (*свойствен*) + личное местоимение в дательном падеже;

20) личное местоимение (подлежащее) + сказуемое, производное от имени притяжательности.

В результате произведенных трансформаций установлено, что унифицированным содержанием обладают только притяжательные местоимения с мощным анафорическим потенциалом и возможностями разноплановой глубинной развертки, остальные 20 трансформационных моделей ограничены в употреблении дистрибуцией прономинатива и вследствие этого – разновидностью семантики присвоения, что еще раз подтверждает языковой статус категории притяжательности.

Конструкции с притяжательными местоимениями в речи разноплановы, в зависимости от способа глубинной развертки их можно распределить на четыре функционально не сополагающиеся группы.

Первая группа объединяет сочетания имен притяжательности с местоимениями, не содержащие в глубинной структуре скрытого непритяжательного предиката. В пределах данной группы разграничиваем:

1) притяжательность части целому (парто-холономические отношения), нередко квалифицируемую как неотчуждаемая принадлежность (*моя рука, его (дома) дверь, их (часов) стрелка, ее (рыбы) хвост*);

2) притяжательность качества (признака, свойства) его носителю (*твоя доброта, ваша честность, его (неба) синева, ее (дисциплины) сложность*);

3) притяжательность процесса (действия, состояния) его субъекту, носителю (*мое опоздание, твой плач, ее (двери) скрип, его (ветра) шум*);

4) притяжательность «личной» (предметной, понятийной) сферы ее обладателю (*ее возраст, твоя профессия, наша национальность, ее (воды) плотность, моя судьба, твое имя*);

5) притяжательность по родству, свойству, функциональной общности (*моя жена, наш дядя, ваш начальник, их партнер, ее друг, наш наставник*);

6) *собственность* (*ваша сумка, твой дом, их автомобиль, его карандаш*).

Требует разъяснения понятие личной сферы посессора, введенное Ш. Балли, который понимал ее наиболее широко, как «совокупность частей тела, а также предме-

тов, существенно связанных с личностью так, что эта связь может осмысливаться как постоянная и тесная» [1, с. 68]. Основываясь на концепции Ш. Балли, М. А. Журинская включила в личную сферу тело и его части, имя, мысли, чувства, переживания, различные окружающие человека предметы, связь с которыми может представляться в различной степени нерасторжимой, а также других людей, так как человек в полном объеме состоит из тела, психических, атрибутивных характеристик и социальных связей. По мнению исследовательницы, в личную сферу могут попадать и предметы собственности, обмена [5, с. 308]. Фактически такое расширение личной сферы отождествляет ее с большинством значений имен притяжательности.

Однако, как показал трансформационный анализ, притяжательность личной сферы и отношения собственности, притяжательности качества, свойства, процесса и притяжательности по родству, свойству, функциональной общности не могут быть сведены воедино, ибо обладают различным трансформационным потенциалом. Наше понимание личной сферы близко концепции неотчуждаемости А. В. Головачевой, рассматривающей как неотчуждаемые конструкции с именами притяжательности *голос, дыхание, походка, слух, размер, рост, жизнь, судьба, душа, разум, речь, здоровье* [2, с. 20]. Тем самым имена личной сферы – это абстрактные субстанции, тесно связанные с посессором и определяющие его существование.

Вторая группа объединяет конструкции с широкой релятивной семантикой «присвоения» целой ситуации, на когнитивном уровне соотносящиеся с имплицитными непритяжательными пропозициональными структурами. По словам болгарской исследовательницы Р. Л. Ницоловой, в подобных случаях «притяжатель и притяжаемый объект сведены каким-либо действием или состоянием» [8, с. 61], устанавливаемым на базе скрытого предиката. Такие предикаты коррелируют с различными эксплицируемыми именами притяжательности, соотносимыми с терминами предикатно-аргументных структур:

– объектами различных типов (*мой роман* – который я написал, *его шапка* – которую он подарил мне, *твой завод* – которым ты руководишь, *наши деревья* – которые мы посадили, *его Иван* – о котором он рассказывал);

– субъектами (*твой следователь* – который ведет дело, где ты обвиняемый, *мой шофер* – который везет меня на маршрутке в Киев);

– инструментивами (*мой трактор* – которым я пашу землю, *твоя электропила* – которой ты спиливаешь деревья);

– локативами (*твой берег* – где ты отдыхаешь, *его микрорайон* – в котором он живет, *ее лес* – где она пряталась);

– темпоративами (*ее год* – в течение которого она не работала, *моя осень* – в течение которой я написала книгу, *наша эпоха* – в которой мы живем);

– коллективнами – компонентами собирательности, опосредующими отношение включения (*наша группа* – в которую мы включены как ее члены, *его класс* – в который он включен как ученик) и т. д.

Данные конструкции в речи могут анафорически соотноситься с эксплицитными высказываниями (*Мы посадили огурцы. Наши огурцы* (которые мы посадили) *были крепенькими и вкусными*) или с фоновыми знаниями коммуникантов (*Вот мой трамвай подошел* (на котором я могу доехать до места предназначения)). Ситуация речи и контекст позволяют декодировать свернутый смысл конструкций с притяжательными местоимениями: *Что же ты так мало ешь? Али не нравится тебе моя лапша?* (которую я сварила) (А. Калинин); *Эта ворона не шла ни в какое сравнение с моими*

рыцарями, принцами, кощеями, чемберленами, брианами (которых я нарисовал), но во мне сразу заговорило вино моей молодой художнической славы (Ю. Нагибин); Теперь женщинам предстояло подыскивать объяснения в ответ на язвительные вопросы мужей о том, какая оса укусила сегодня **их** распрекрасного цыгана (которого они так хвалили) (А. Калинин).

В отличие от второй, третья группа конструкций с притяжательными местоимениями имплицитно интегрирует интеграцию двух пропозиций: первая передает отношения прямого «присвоения» имплицитному посессору, вторая соотносит с ним лицо, фиксируемое притяжательным местоимением, опосредуя эту соотнесенность ситуацией: *твои овцы* – овцы являются собственностью колхоза, которым ты руководишь; *мои герои* – герои романа, который я написал; *наша разведка* – разведка части, в которой мы служим; *мое оконце* – оконце дома, в котором я остановился на ночлег. Нередко только контекст позволяет декодировать смысл подобных конструкций: *Стойте, стойте, дорогой друг, а не в этих ли шкафах таятся те самые тома, которых недостает в **моей** энциклопедии. – В вашей? – Да, в той самой, что покоится в шкафах директорского кабинета* (энциклопедия принадлежит организации, которой я руковожу) (Л. Карелин).

Четвертая группа включает конструкции с притяжательными местоимениями, служащие метонимическими обозначениями субъектов пропозиций: *Мой разум не способен это понять*, т. е. Я не способен это понять; *Твой станок работал лучше всех*, т. е. Ты работал лучше всех; *Все это сделано твоими руками*, т. е. тобой. Данные конструкции малочисленны, обычно стилистически маркированы, придают высказыванию особую экспрессивную коннотацию и способны фразеологизироваться преимущественно в значении принадлежности части целому: *А когда-то там бегали **мои** босые ноги* (Ю. Нагибин); *Подумать только, что ты мог попасть не в **мои** руки* (Г. Бакланов); *Вы все такие же родные и милые **моему** сердцу* (С. Бабаевский). В художественном тексте конструкции данной группы могут служить средством ввода дополнительной информации о субъекте: ***Его** странные уши без мочек ... цепко хватывали любой намек на хорошую строчку* (Е. Евтушенко).

Выводы и результаты. Проекция вербальной репрезентации языковой категории посессивности на когнитивные структуры, в частности, пропозиционального статуса, позволяет констатировать способность русского языкового сознания унифицировать различные отношения между предметами, явлениями, понятиями, ситуациями как присвоение, которое когнитивно дифференцируется на семь основных типов отношений. Такая дифференциация обеспечена спецификой трансформационного потенциала конструкций с притяжательными местоимениями, передающих все типы посессивных отношений и имеющих анафорическую природу и высокую степень редукции информации, в них заложенной.

Перспектива дальнейших исследований категории притяжательности лежит в плоскости выявления побочных и вторичных категориальных значений конструкций притяжательности в речи.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 298 с.
2. Головачева А. В. К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности / А. В. Головачева // Категория притяжательности в славянских и балканских языках : Тезисы совещания. – М. : Наука, 1983. – С. 19–23.
3. Гуйванюк Н. В. Средства выражения притяжательности в украинском литературном языке (на материале произведений писателей XIX– XX века) : дис. на соискание учен. степ. канд. филол. н. : спец. 10.02.02 «Украинский язык» / Нина Васильевна Гуйванюк. – Черновцы, 1977. – 297 с.
4. Дмитриев Н. К. Категория принадлежности / Н. К. Дмитриев // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. – М., 1956. – Ч. 2. – С. 22–37.
5. Журинская М. А. О выражении значения неотторжимости в русском языке / М. А. Журинская // Семантическое и формальное варьирование. – М. : Наука, 1979. – С. 295–347.
6. Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. – М. : Наука, 1983. – 124 с.
7. Леви-Брюль Л. Выражение принадлежности в меланезийских языках / Л. Леви-Брюль // Эргативная конструкция предложения. – М. : Наука, 1950. – С. 208–217.
8. Ницолова Р. Л. Някои особености в семантиката и дистрибуцията на притяжателните местоимения в българския език в съпоставка с полския език / Р. Л. Ницолова // Съпоставително езикознание. – 1979. – № 3. – С. 55–56.
9. Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Современная американская лингвистика : фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Издательство УРСС, 2002. – С. 370–389.
10. Селиванова Е. А. Функционально-семантическая характеристика категории притяжательности в современном русском языке (притяжательные местоимения) : дис. на соискание учен. степ. канд. филол. н. : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Елена Александровна Селиванова. – Киев, 1988. – 200 с.
11. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
12. Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности / В. Н. Топоров // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. – М. : Наука, 1986. – С. 142–167.
13. Цивьян Т. В. Об одном аспекте посессивности и способах его выражения в балканских языках / Т. В. Цивьян // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. – М. : Наука, 1984. – С. 79–86.

Селіванова О.О. Категоризація посесивності в російській свідомості й мові // Ученіє запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 1. – С. 410-416.

У статті розглянуто категоріальний зміст посесивності та засоби його вербалізації в російській мові. Виокремлено сім базових значень чотирьох функціональних груп конструкцій із присвійними займенниками, які є ядром категорії посесивності.

Ключові слова: *посесивність, присвійний займенник, ім'я приналежності, посесор, категоризація.*

Selivanova O. Categorization of possessivity in Russian consciousness and language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 1. – P. 410-416.

The article focuses on a category maintenance of possessivity and means of verbalization in Russian language. Seven base values of four functional groups of constructions with possessive pronouns as the kernel of possessive category are selected.

Key words: *possessivity, possessive pronoun, possessive name, possessor, categorization.*

Поступила в редакцію 05.04.2012 г.